

Милое исчадие

Автор:

Наталья Нестерова

Милое исчадие

Наталья Нестерова

Разговор по душам

Жизнь Кати, как и у каждого подростка, это время мгновенных перемен и трудных исканий. Детство кончилось, началась юность. Катя стремится быть понятой друзьями и близкими, хочет, чтобы все признали её независимость и узнали, какая она талантливая и необыкновенная. А это очень-очень нелегко! И тогда она решает написать роман, ведь недаром её фамилия – Тургенева!

Трогательная и смешная история о девушке, оказавшейся в водовороте неведомых ей ранее противоречий!

Наталья Нестерова

Милое исчадие

© Н. Нестерова, 2021. Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

– Почему как все нормальные дети ты в сочинении «Что такое счастье» не написала про любовь мамы или на крайний случай про мир во всем мире? По-твоему, счастье – это курочка с поджаристой корочкой?

– Бабушка, я просто голодной тогда была.

Из разговора с десятилетней Сашурой.

Предисловие

На одном из юбилеев – неизбежные утехи моих ровесников – я познакомилась с интересной женщиной. Внешне она была – чистый благородный лоск. Хоть сейчас на выставку «Идеальный образчик немолодой дамы с безукоризненным вкусом и прекрасными манерами». Я несколько раз ловила на себе взгляд дамы и подумала, что, наверное, кого-то ей напоминаю. Или она решила, что жемчуг на моей шее поддельный. Он мне подарен мужем с неподдельным чувством, что гораздо важнее натуральности камней.

Дама захватила за локоть мою подругу, и они двинулись в мою сторону.

– Позволь тебе представить, – сказала подруга, – Галину Георгиевну. Наши мужья дружат, а мы испытываем друг к другу искреннюю симпатию. Ах, простите, я говорю только о себе!

– Всё верно, Танечка! – благосклонно улыбнулась Галина Георгиевна.

Таня была женой дипломата, тут вообще в основном был дипкорпус. Со многими я была знакома. Совершенно нормальные простые люди. И я никогда не видела свою подругу, выражающуюся как на светском приёме. Потому что рядом стояла Галина Георгиевна – Жена (с большой буквы) Дипломата (с большой буквы). Да что там! Королева. Хоть с маленькой, хоть с большой буквы королева остаётся королевой.

Это была хорошая королева: с доброй улыбкой на устах и в глазах. Она с тебя за плохие манеры кожу снимет, но исключительно для твоей же пользы. Как косметический пилинг для красоты лица.

Царским жестом Галина Георгиевна предложила мне отойти в сторону:

– Я слышана, что вы писательница.

Когда мне делают такие сообщения, я почему-то кривлю физиономию в гримасах «так получилось, что поделаешь, извините, я не виновата...» А что ответить? «Да, пописываю, знаете ли. Творю безудержно».

– У вас такое милое лицо, – сказала Галина Георгиевна, – и ваши книги тоже наверняка очень милые.

Тут меня чёрт за язык дёрнул:

– Если бы я была косорылой, с выступающей челюстью и нервным тиком, то книги были бы отвратительны?

– Юмор – это прекрасно, – не дрогнула Галина Георгиевна. – Завидное качество для женщины. Вот я, увы, не обладаю этим весёлым даром. Хотя и злорадная язвительность мне тоже не свойственна.

Лет сорок назад я бы покраснела: мой выпад был натуральной язвительностью. С возрастом мы краснеем только от негодования, потому что окружающие бестолковы и не понимают того, что мы им вдалбливаем.

– Собственно, я хотела поговорить с вами о произведении моей племянницы, – продолжала Галина Георгиевна. – Катенька замечательная девочка, прекрасно воспитанная, очень-очень образованная...

«Надеюсь, ей не семь лет», – подумала я.

Дальше Галина Георгиевна могла не говорить, то есть я не слушать. Надо прочесть, оценить, восхититься, чтобы у юного дарования расправились крылья. Куда на них лететь, ни доброхоты, ни само дарование понятия не

имеют. Я, кстати, тоже. Только бы не роман на четыреста страниц!

- Это не длинно, - точно подслушав мои мысли, говорила Галина Георгиевна, - два десятка страниц.

Я скрыла радость за вполне светской улыбкой, заверила, что с удовольствием прочту, выскажусь, присылайте, рада помочь чем могу.

Галину Георгиевну на мякине было не провести. Она рассмеялась, неожиданно старушечьим хохотком прокудахтала, погладила меня по плечу:

- Нелегка участь российского литератора.

Потрясающая женщина!

Мы обменялись телефонами, я дала свой электронный адрес.

И Галина Георгиевна пропала на месяц или больше или чуть меньше, я про нее забыла.

Звонок.

- Это Галина Георгиевна. Надеюсь, вы обо мне помните, мы были представлены на юбилее...

- Конечно, помню! Рада вас слышать. Куда вы пропали?

- Я, как вы выражаетесь «пропала», посчитав, что совершила чудовищную бестактность. Разговаривала с писательницей, не прочтя ее произведения.

Она прочла мою тетralогию о сибиряках, была искренне восхищена, в некоторых местах смеялась, в других плакала. Она, для меня лестно, сравнила мои романы с нашумевшей книгой примерно на ту же тему. Она заставила прочесть тетralогию своего мужа, который, «очень умный, но считает, что беллетристика не для женщин, как тяжёлая атлетика, исключение только Жорж Санд, печально, что муж остановился на этой развратной француженке». Она просит прощение за своё поведение, которое справедливо могло показаться

чванливым.

– Галина Георгиевна. Я тронута! Спасибо за добрые слова! Вы пришлёте рассказ своей племянницы?

– Если вас не затруднит.

– Нисколько.

– Была счастлива с вами познакомиться.

– Взаимно.

Рассказ был забавным, про инопланетян. Я люблю фантастику всех жанров. Любовь, как известно, – страдание. В данном контексте страдание – это крайне малое число новых достойных книг в гигантской грудке макулатуры. В рассказе девочки были ростки. Как на грядке: вот интересное, полезное, хоть бы выросло, а вот сорняки, сорняки, сорняки.

Я написала девочке с предложением поработать вместе над ее произведением. Для меня это был подвиг. Впервые в жизни я решилась быть наставницей многообещающего таланта. Мне хватает наставничества в обычной жизни, я всех учу, меня за глаза называют «училкой».

Девочка Катя ответила не письмом, а сообщением по телефону. Смайлики-рожицы перемежались «ой, спасибо, как здорово, меня тётя Галя вашу книгу принуждает прочитать, я обязательно, а еще я тогда, на волне несло, написала про нашу семью и мою тяжёлую участь, можно прислать».

Я ответила кратко: «Присылай». На «ты», хотя в первом письме я с ней, как с коллегой по цеху, была на «вы». И ждала какой-нибудь дребедени. Но девочка сделала гигантский шаг! Сорняки есть, но полезные растения куствуются.

На этом наше общение закончилось. И с Галиной Георгиевной, и с Катей.

Мне не было обидно. У Галины Георгиевны своих подруг – только успевай хоть изредка по телефону поболтать. Я сама такая. Казалось бы, мы вольные

пенсионерки, а часто видеться не получается.

Катя? У меня старшие внуки – подростки. Такие же, как эта девочка. Подростки нового поколения. Очень умные, очень воспитанные и занятые, как главнокомандующие во время войны. «Я бы с тобой поспорил, но мне надо уроки делать (идёт в своих сетях ковыряться). Конечно, я приеду, бабушка. Я тебя тоже очень люблю. Обязательно позвоню».

Звонят изредка, приезжают того реже. Я смирилась и поняла, что их надо просто любить. Ловить момент. Три минуты, когда они рядом, гладить по плечам и рукам, умиляться и рассказывать про их проделки в глубоком детстве. Подобные рассказы они обожают.

Вот поэтому я решила не забросить творения девочки Кати, а довести их до ума, то есть до публикации. Вдруг ей это поможет, выражаясь казённым языком, найти себя в жизни. Хотя что поможет этим компьютерным детям, знает только провидение. Надеюсь, что оно не спит или наблюдает за ними не с утомлённым равнодушием старого выгоревшего педагога.

Требуется важное уточнение. Писатели умеют редактировать, исправлять стилистические ошибки и прочие огрехи. Но писатели рефлекторно подгоняют «под себя», под своё слышание письменной речи. Это как слоников по росту расставлять – не отдавая себе отчёта и для порядка в интерьере. Я искренне старалась себя контролировать. Убрала словесный мусор, всех этих паразитов: «блин», «ну», «как бы», «типа». Восстановила порядок слов в предложениях, где он, порядок, не был художественным приёмом. И еще по мелочи – скальпелем, микрохирургически, без ампутаций и лично изготовленных протезов.

Мой дядя самых честных правил. В кавычки не беру, это не Пушкин, это про моего дядю Петю, который самых честных правил. Ему шестьдесят пять лет, недавно ушёл на пенсию. У него для близких друзей прозвище «Рокоссовский». Потому что в молодости, говорят, был похож на маршала Рокоссовского, который мешками получал письма с объяснениями в любви, да и вообще женщины, встречавшиеся ему на жизненном пути, дружно падали, пронзённые стрелой Амура, и в штабеля укладывались. Про настоящего Рокоссовского много чего понаписали, где правда, где выдумки – не отличишь.

В нашей же семейной истории дядя Петя всегда хранил верность тётке Гале, своей жене. Она его, конечно, тоже любит. У стариков ведь любовь – это не страсти, лобзания и постоянное желание обнимашек. У них любовь – это забота друг о друге. Дядя Петя всегда одет безукоризненно, и на нём вещи, точно вчера купленные в магазине. Нет, сшитые на заказ у хорошего портного. Однако на мой придирчивый взгляд... Хотелось бы сказать «писательский», но сочинять книги я только собираюсь, пока, по совету классиков, пристально изучаю жизнь, подмечая важные детали.

Так вот, мой прицельный взгляд отмечает некие нюансы в отношении тётки Гали к дяде Пете. Далее, опять-таки опираясь на руководства по написанию книг, следует не предаваться доморощенному психоанализу, растекаться по древу, а дать точную оценку. Тётя Галя любит дядю Петю, как будто она ему всё простила, но осадок остался.

Жена второго брата моего папы, дяди Коли, – тётя Эмма... Вы сами попробуйте написать это предложение, чтобы без «жён», «тётъ» и «дядь»! Какое уж тут умение высказываться некоряво. Словом, тётя Эмма заботится о дяде Коле неистово, то есть истово. Кажется, эти отрицание и утверждение значат одно и то же. Как «ни фи́га себе!» и «до фи́га себе!»

Я полностью разделяю мнение моих родителей, а также дяди Пети и тётки Гали, подслушанное еще в детстве. Как умудрился Коля до сих пор не придушить Эмму? В самом деле, каждые пять минут: «Коля, не ешь маринованные огурцы, у тебя гастрит. Коля, пересядь на другой стул, из форточки дует. Коля, не напрягай глаза, сейчас принесу тебе очки...»

Два раза в день тётя Эмма меряет дяде Коле давление и уровень сахара, три раза в день заваривает ему травки от простатита. Возможно, причина такой опеки в том, что у них нет детей. Так получилось. Как и у дяди Пети и тётки Гали тоже получилось, в смысле – не получилось. Этот русский язык! Получилось – не получилось, а не получилось – получилось.

Я одна на три семьи, вдобавок – поздний ребёнок. Думаете, они замучили меня своей любовью? Как бы не так! Дядю Петю видела редко, он дипломат и всю жизнь по командировкам, тётя Галя, естественно, с ним.

Дядя Коля – вирусолог, как прилип глазом к микроскопу в университете, так до сих пор не отлипает. Тётя Эмма всегда рядом с ним – за соседним столом, с таким же микроскопом и тоже доктор наук. Но дядя Коля почему-то страшно устаёт на работе, а она встаёт ни свет, ни заря, чтобы проверить для него парное мясо на паровые котлеты. Я не виновата, что «парное» в смысле свежее и «парное» в смысле приготовленное на пару пишутся одинаково.

Казалось бы. Я одна на всех, мне четырнадцать лет, и зовут меня Катя. Так величайте как-то изысканно, Китти, например! Разбежалась! Домашнее прозвище Кот и еще – Исчадие Рая. «Рая» обычно пропускается.

Конечно, у меня всё есть. В плане шмоток и девайсов. Ходить с тётей Галей на шопинг – это песня! Тётя Галя модница каких поискать, знает все фирмы, тренды, и вкус у нее безукоризненный. Мы с ней навещаемся в бутики, в которых покупателей бывает три штуки в неделю, двое падают в обморок, глянув на ценник, третий выскакивает за дверь, нецензурно ругаясь. Подкатить к дяде Коле с тонким намёком на новый планшет или телефон вообще не проблема.

– Можно, я через тебя передам записку Деду Морозу? До Нового года еще пять месяцев, обидно долго ждать.

– Всё понял, Кот, – дядя щёлкнет меня по носу. – Надеюсь, ты еще не знаешь, как правильно пишется «Пежо».

Про двух братьев сказала, а про родного отца ни слова. Он младший, разница с дядей Петей двенадцать лет. В отношениях моих папы и мамы, оба они айтишники, как ни ищи, не за что ухватиться и вытащить на свет интересную деталь. Потому что у них нет никакой системы. Сегодня они хохочут, завтра дуются друг на друга, не разговаривают, послезавтра дружно поносят модного режиссёра, а на следующий день вдрызг ссорятся из-за какой-то ерунды, вроде пакта Молотова – Риббентропа. Кто помнит эту личность с двойной фамилией? Да, знаю! Это были два человека, министры иностранных дел СССР и Германии.

Для своих лет я очень образованная и начитанная. Не по своей вине. И я не хвастаюсь.

Во-первых, в нашей гимназии с уклоном во все предметы, включая физкультуру, есть ребята гораздо умнее меня. Те, кто не умнее меня, не тянут два иностранных языка, латынь, математику по программе спецшколы и русский язык по первому курсу института, вылетают как пробки. Гимназия, кстати, не частная и не платная. Во-вторых, есть девочки и мальчики из о-очень богатых семей. Им, как и мне, с пелёнок внушалось: кому много дано, с того и спрос больше.

Вот лежит на газоне бомж. Ничего у него нет, и спрос с него нулевой. А, скажем, сын Рокфеллера, окружённый блюдечками с голубыми каёмочками? Обязан соответствовать, да и самому хочется соответствовать, зов крови и опозориться стыдно.

Как мне от Рокфеллера вернуться к дяде Пете и остальным родственникам?

На сто процентов согласна с теми писателями, которые утверждают, что описывать злодея легко, а хорошего человека очень трудно. Несколько шокирующих примеров подлых поступков – и злодей готов, отыщите место, куда можно еще одно клеймо втиснуть. Читать в строчку, через запятую, про благородные качества так же скучно, как портретные описания красавиц в романах Диккенса или Теккерея. Интересно, кто-нибудь, продравшись через все эти: кожу цвета камелии, коралловые губы, жемчужные зубки, голубые глаза оттенка летнего утра... сумел воочию представить девушку? Встретил на улице и сразу узнал – вот она, гений чистой красоты! Сомневаюсь. В полицейских протоколах описывают точнее.

Однако есть литературный приём, когда героя характеризует не автор, а другие персонажи, им почему-то доверия больше. Я не поскуплюсь, о моем дяде выскажутся полсотни человек.

Не пугайтесь, будет не дословно.

Это было во время банкета по случаю ухода дяди Пети на пенсию. На официальную часть: вручение ордена в Кремле, поздравление в узком кругу в МИДе – меня, конечно, не пригласили, только на банкет.

Громадный, как вестибюль вокзала, зал, круглые столики с белыми скатертями на восемь человек, хрустальные фужеры, прикидывающиеся простым стеклом, начищенные серебряные приборы – три ножа мал-мала справа, три вилки слева, взвод официантов в униформе, небольшая сцена, на ней квартет – две скрипки, виолончель, фортепиано, ближе к краю сцены микрофон на штативе, в него поначалу говорили тосты важные лица, потом ведущий бегал по залу с беспроводным микрофоном к тем, кто поднимал руки. И рук был – лес!

Папа, узнав, на сколько человек банкет и во что обойдётся, присвистнул:

– Петя, может, тебе денег одолжить? Могу кредит взять.

– Спасибо, братишка, я на этот банкет всю жизнь копил.

– Раньше копили на похороны, – сказал дядя Коля.

– Петя! – изумилась тётя Эмма. – У тебя сто шестьдесят друзей и приятелей?

Вместо дяди Пети ответила тётя Галя:

– Есть люди, которых обязательно надо пригласить, и те, кого хочется пригласить.

Мой папа тут же придрался, стал спрашивать про соотношение одних и других. Я и раньше подозревала, что идея грандиозных поминок по случаю окончания трудовой деятельности дяди Пети принадлежит тётю Гале и относится по семейной классификации к разделу «дорогая Галя».

Когда тётя приходила в новой шубе или в ее ушах сверкали очередные серьги с бриллиантами, папа и дядя Коля, целуя ее в щёчки, говорили: «Дорогая Галя!» И ведь не придерёшься: устойчивое вежливое обращение, хотя и другой смысл, материальный, имелся. Дядя Петя не обижался, напротив, пожимал плечами, когда жена тратила несусветные суммы на ерунду: «Моя дорогая Галя».

Однажды я сказала дяде Пете:

– Ты никогда не обижаешься и не злишься.

– Самовоспитание с детства, – ответил он. – Если бы я обижался и злился, у тебя не было бы отца и дяди Коли, я удавил бы их в колыбели.

Тётя Галя, когда мы утюжили магазины в поисках вечерних платьев, попросила меня:

– Выручишь с рассадкой, Кот?

Купленное мне платье, которое я опишу ниже, полностью исключало мой отказ, точнее, выглядело бы грандиозным хамством. Кроме того, я точно не представляла, что значит «рассадка».

Рассадка за столы – это целая наука и дело очень ответственное. Скажем, посадить за один стол послов Азербайджана и Армении – это скандал. Или палестинца с израильтянином – жуткое оскорбление. А еще есть те, кто лично дружат, а их супруги отчаянно не дружат. Правильное соседство за столом может обеспечить молодому дипломату карьерное продвижение, а неправильное – торможение. Сотни нюансов и кропотливая бумажная работа: сначала просто списки групп по восемь человек, потом столики по номерам и стулья по номерам на схеме. Соседство тоже играет роль, как и удалённость от столика юбиляра, да и спина к спине не всякого посадишь.

Всё это тётя Галя объяснила мне, когда я предложила устроить лотерею – бумажки с фамилиями бросаем в кастрюлю, вытаскиваем по одной, как фанты: этот за пятый столик, этот за тринадцатый.

– Павел Егорович окажется за одним столом с Игорем Фёдоровичем из департамента протокола, – помотала головой тётя Галя, – который заикается в минуты волнения. Тут он вообще ни слова не сможет сказать.

Павел Егорович десять лет проработал водителем дяди Пети, посла в одной из африканских стран. Однажды на дядю Петю было покушение, Павел Егорович прикрыл его своим телом. Пуля чиркнула Павла Егоровича по лицу, задела лицевой нерв, и теперь Павел Егорович периодически зло дёргает головой и подмигивает. Точь-в-точь как будто предлагает: «Пошли, поговорим?»

Моя помощь, к которой наверняка тётя Галя обратилась, чтобы ввести меня в лабиринты светской жизни, была бестолковой. Однако приехала подруга тёти Гали, Эльвира Максудовна, работающая в МИДе. Чернявая, волосы цвета вороного крыла с отливом в баклажан, да и по отчеству судя, она была каких-то восточных кровей. Почему-то без тёмных усиков под носом, как бывает у женщин этих народностей. Нашу завуч в школе зовут Натэлла Гамлетовна, прозвище Чапаев – из-за усов. Хотя в МИДе, конечно, усатые чапаевы в юбках были бы неуместны. Да здравствует эпиляция!

Две дамы принялись раскладывать пасьянс, постоянно отвлекаясь на воспоминания и случаи из жизни тех или иных персонажей, проще говоря, перебивая им косточки. Я заскучала, а потом мне в голову пришла идея.

Постучалась в комнату, где дядя Петя, лёжа на диване, читал книгу:

– Ты в курсе, что там, – кивнула я в сторону гостиной, – происходит?

– Догадываюсь, – опустил книгу на живот дядя Петя и посмотрел на меня поверх очков.

Истинный дипломат. Никогда не скажет в простоте «да» или «нет», а «догадываюсь», «могу предположить», «у меня есть некоторые сомнения», «давайте посмотрим на ситуацию в другом аспекте»... Если вы читали фразы «настоящего питерского интеллигента», например: «Настоящий питерский интеллигент никогда не скажет: «Как был дураком, так и остался». Он скажет: «Время над ним не властно»», знайте, что всё это из арсенала моего дяди.

– Предлагаю процесс осовременить и модернизировать.

– Что ты имеешь в виду, Кот?

Я поделилась идеей: он выделяет мне энную сумму, в канцелярском магазине, что тут рядом, я покупаю магнитно-маркерную доску, тётя Галя и Эльвира... как ее... Максудовна, точно заправские офисные руководители, рисуют на ней и стирают, снова рисуют и снова стирают. Красота!

– Очень интересная идея, – похвалил дядя Петя.

Эти слова из его уст ничего не значили.

- Но? - спросила я.

Продолжил, будто не услышал вопрос:

- И в ней есть рациональное зерно. Видишь ли, Исчадие, люди старшего возраста вообще и дамы элегантного возраста особенно весьма скептически реагируют на усовершенствования в их любимых занятиях.

- Тогда не было бы стиральных и посудомоечных машин, - не согласилась я.

- Бедный ребёнок! Тебе встречались женщины, которые любят стирать бельё и мыть посуду? Какое тяжёлое детство!

- Ладно, убедил. В чем рациональное зерно?

- Ты покупаешь листы ватмана, карандаши, ластик, точилки, кнопки.

Дядя Петя подчеркнул, что мне еще нужно купить листы картона, чтобы застелить стол, а ватман со схемой зала уже поверху положить, на котором будет схема зала, уже поверху. Потому что если кнопки оставят следы на антикварном столе из карельской берёзы, за которым тётя Галя долго гонялась, то ему, дяде Пете, достанется за каждого из ста шестидесяти приглашённых на банкет. И тихо себе под нос пробурчал совсем не дипломатически, про гроб и белые тапочки, из которого и в которых видел он этот банкет.

Дядя выдал мне пять тысяч рублей, предупредив, что если не хватит, я добавляю из своих, но и сдачу также оставляю себе. Остаток денег был немаленьким, и еще мне удалось сэкономить на картоне. В квартиру этажом ниже привезли новый холодильник, его упаковка отлично подошла.

Когда я, груженная канцтоварами, ввалилась в квартиру, а потом энергично принялась очищать стол, попутно объясняя про схему, которую сейчас нарисую, тётя Галя и Эльвира Максудовна смотрели на меня с вежливым неодобрением.

- Какая умная девочка, - проговорила безусая Эльвира Максудовна.

В переводе на понятный язык это означало: «Не много ли эта особа на себя берёт?»

Я затараторила, что, мол, согласна набрать на компьютере фамилии, имена, отчества приглашённых, распечатать на принтере, разрезать на карточки, чтобы удобно было прищипливать к обозначенным столикам. И мысленно ужаснулась своему порыву. Полторы сотни с лишним карточек и попробуй не ошибиться!

– Эльвирочка, – задумчиво проговорила тётя Галя, рассматривая круги, которые я рисовала, – тебе не кажется, что расстановка столов несколько неудачна? Возможно, фирма, в которую мы обратились, не имеет достаточного опыта в организации подобных банкетов.

Эльвира Максудовна решительно не согласилась (видно, сама эту фирму рекомендовала) и сослалась на банкеты каких-то там... фамилии ничего мне не сказали.

– Однако если столики расположить полукругом, амфитеатром, – продолжала рассуждать вслух тётя Галя, – получится элегантнее, на мой взгляд.

Они стёрли мои кружочки и принялись рисовать свои. Увлечлись. Кажется, можно сматываться.

– Извините, – пропищала я. – Мне уроки еще делать. Можно, я завтра приду, и карточки завтра?

– Сама их изготовлю, – отозвалась Эльвира Максудовна. – Опечатки недопустимы.

– Вызову тебе такси, Котик, – сказала тётя Галя.

Она всегда вызывала машины представительского класса. По телефону общалась с диспетчерами, а не с агрегаторами по Интернету. Выдавала мне заявленную сумму плюс десять процентов – чаевые водителю. Не платить чаевые, с точки зрения тёти Гали, всё равно, что сморкаться без использования носового платка.

Как обычно, я вышла из квартиры, набрала номер, отменила тётин заказ. Поеду на метро. В кармане приятно звякали «золотые» (это фигурально). Сделать доброе дело и обогатиться – что может быть приятнее? Завтра позвоню и скажу, что мне надо готовиться к контрольной по математике. Тётя Галя и Эльвира Максудовна только пять столов из двадцати приблизительно обработали. Они еще неделю корпеть будут. Мне каждый день к ним являться? Да и не нужна я им, только мешаюсь. В лабиринтах светской жизни мне не понравилось. А так все довольны: мне на свободу с почти чистой совестью (контрольная ведь рано или поздно случится), тётке Гале с подругой полное раздолье. И кто тут достойная племянница большого дипломата? Не показывайте на меня пальцем, это некультурно.

Первое впечатление от банкета – мужчины. Не потому, что они красивые, видные, интересные. А потому что до ужаса одинаковые. Почти сотня особей, простите, персон – в темных костюмах, в белых рубашках и с галстуками сдержанных расцветок. Мне их стало жалко, вспомнилось выражение «хорошо в детдоме одевают». В них было что-то птичье, как будто скрестили грачей с пингвинами. Потом оказалось, что пернатые мутанты не так уж несчастны. При мужчинах были женщины в вечерних нарядах разных фасонов и расцветок, и каждая заслуживала того, чтобы ее разглядывали. Как будто стая самцов залетела в экзотический лес, прихватила себе по подружке и теперь вполне довольна жизнью на птичьем базаре.

И еще я порадовалась поражению папы в битве за форму одежды на банкете старшего брата. Для папы надеть тёмный костюм с галстуком хуже, чем выйти в люди в пижаме или в амуниции для дайвинга. Мама типун на языке натёрла, уговаривая папу на официальный костюм. Папа вроде бы начал смиряться, потом в Интернете увидел, сколько за фирменный костюм надо отвалить, и превратился в живую скульптуру.

Если вы ездили по европам, такие видели: стоит на постаменте чисто белая скульптура, не шевелится. Почему-то на земле коробочка – для денег. Другие статуи бесплатно стоят. Мне, тогда пятилетке, дали монетку – кинь в коробочку. Я послушалась, подошла, бросила, а скульптура возьми да и подмигни мне. Я дико заорала и почему-то не бросилась к маме, а стала обманщика сталкивать с пьедестала. В дальнейших поездках с дядями и тётями мои родители их предупреждали: «Держите Исчадие подальше от живых скульптур. Она их спихивает».

Возможно, данное сравнение папы с покрашенными мужиками, способных часами не шевелиться, хромает. С другой стороны, классики говорят, что всякое сравнение хромает. А мне очень хотелось рассказать, как я боролась с обманом населения.

Папа перестал реагировать на любые разговоры о банкете и форме одежды. Сидел, уставившись в стену, и очнужался... очнуживался... как сказать от глагола «очнулся»? ...Приходил в себя, возвращался к жизни, когда мама сдавалась:

- Ладно, пошли ужинать!

Ситуацию разрушила, без ложной скромности, я. Вообще-то у меня ни ложной, ни натуральной скромности не наблюдается.

Я посоветовала маме обратиться к тётке Гале.

- Ты видела их гардеробную? Больше по площади, кстати, чем моя комната.

- Губу закатай! - сказала мама.

Я шмыгнула носом и продолжила:

- Справа тёти Гали наряды, два ряда, один над другим. Бутики отдыхают. Для обуви у нее, кстати, отдельное помещение. Не хмурься, я по делу. Вспомни. Слева дяди Петино отделение, верхний ряд, архивный, как я понимаю. Три метра тык-впритык костюмы на плечиках. Зачем она их хранит?

- Понятия не имею.

- Может, как этапы большого пути? В этом - был третьим секретарём посольства, в этом - вторым, и так далее до посла. Тётя Галя нажимает на рычаг, верхняя штанга опускается, тётя Галя проводит рукой по плечам одного костюма, другого - вспоминает этапы большого пути.

- Кот, ты фантазёрка.

– Просто у меня развитое воображение, а ты не видишь элементарную логику...

– Точно! – перебила мама и схватила телефон. – Галя? Привет, дорогая! Мы горим, выручай, дорогая!

Тётя Галя приехала с десятком костюмов, каждый в полиэтиленовом чехле, предполагаю, что из начала ряда (от второго секретаря до советника). Дядя Петя с годами растолстел, а прежде, выходит, был как мой папа – стройняшкой. Сами же костюмы почти не изменились. Вернее, изменились на очень придирчивый взгляд. У папы не то, что придирчивого не было, он на них смотреть без гримасы отвращения не мог.

– Михаил! – торжественно сказала тётя Галя моему папе – скульптуре безмолвной. – Нам было бы горько и обидно, если бы на торжестве, столь много для Петра значащему, подводящему итог его безотверженному труду на благо Отчизны, любимый младший брат, которому Пётр, после смерти отца, заменил его... – слегка сбилась тётя Галя. – В смысле отца заменил. Речь не идёт о каких-то великих жертвах, на которые ты, я уверена, пойдёшь для брата без страха и сомнений. Это всего лишь возможность Петру на мероприятии, весьма волнительном во всех отношениях, не ловить взгляды на тебе – белой вороне...

– Джинсовой, – подсказала я, потому что тётя Галя взопрела от усилий.

– Тем более джинсовой, – подхватила она. – Прошу тебя, Михаил! Ради Петра! Ради нашей семьи!

Мы с мамой переглянулись. Если в начале своей речи тётя Галя была истинной женой высокопоставленного дипломата-бюрократа, то теперь ее пафос зашкаливал, не хватало только слез.

Папа тоже так подумал и, естественно, испугался.

– Распаковывай эти шкуры, – он ткнул пальцем на ворох чехлов с костюмами. – Какую гадость только не натянешь ради старшенького братишки.

Всё чуть не испортила тётя Эмма. Откуда-то узнала про капризы моего папы и приехала с тремя пакетами-майками из супермаркета. В одном, комком

скрученным, было: «в чём Коля защищал кандидатскую», во втором – «докторскую», в третьем – «хороший костюм для заседаний Учёного совета, но на банкете прожёт сигаретой, почти не видно, если не присматриваться».

Я думала, папа взорвётся. Как же! Переться. На идиотский банкет. В обносках.

Папа улыбнулся тёте Гале и тёте Эмме:

– Девочки! Какие вы милые!

– Ничего не понимаю, – шепнула я маме на ухо.

– Подрастёшь, – улыбалась она. Не мне, а тёте Гале и тёте Эмме. – Поймёшь. Или нет, не поймёшь, если бревно.

– Да, мамочка! Покажешь мне джинсы, в которых папа сделал тебе предложение?

– Исчадие Рая!

На банкете папа чувствовал себя как селёдка, не отличимая от других селёдок. И это было для него важнее, чем нонконформизм, в котором его постоянно обвиняли братья. Наверное, благодарен тёте Гале и тёте Эмме. Маме не благодарен. Я однажды подслушала, как он маме сказал: «Как я могу быть благодарен своей правой руке. Она есть, она моя. Ты моя».

– Может, я не рука, а мозг? – спросила мама и уселась папе на колени. Повернула голову ко мне, подслушивающей: – Брысь!

На банкете произносились тосты. Вначале длинные и скучные, потом длинные, но смешные, высший класс – короткие и остроумные. Все хотели сказать, кроме моего папы и дяди Коли. Они заранее предупредили ведущего, что говорить не будут. Дядя Коля интеллигентно попросил их не привлекать, а папа добавил, что если ведущему вздумается сунуть ему, папе, микрофон, то он, микрофон, будет засунут обратно, и не в рот. Вероятно, чтобы им отомстить, ведущий вызвал

меня.

– Здесь присутствует юная девушка, любимая племянница нашего юбиляра. Давайте послушаем молодое поколение! – И захлопал приглашающе.

Зал солидарно подхватил.

Моего папу перекосило. Пока не бросился на мою защиту, я быстро встала, поправила юбку и направилась к подиуму.

Это шествовало моё платье. Оно было настолько прекрасно, что просидеть в нём весь вечер на стуле форменное кощунство. Материал – тонкая паутинка, вроде органзы, молочного цвета с лёгким-лёгким блеском. На ткани вышиты цветы – бутоны белых роз в обрамлении зелёных листочков. Атласный лиф, практически корсет, покрыт этой тканью и не просвечивает, декольте умеренное, из него ничего стоящего выкатить не получится. По талии присборенная ткань струится свободно, танцуя-играя на подложке нижней юбки из накрахмаленного тюля, как у балерины. Длина не в пол – видны туфельки, которым бы не по паркету цокать, а стоять за стеклом рядом с фарфоровыми статуэтками, которые тётя Галя коллекционирует.

Важное уточнение: талия у меня тонкая, а в корсете так и вообще муравьиная. Папа, когда увидел меня дома в банкетном прикиде, то есть в бальном наряде, уставился на мою талию и сказал:

– Крокодилу на один укус.

Здесь крокодилов не было, а были восхищённые зрители и я, вся из себя: в волшебных платье и туфельках, с причёской локонами. Тёти Галина мастер-парикмахер два часа меня терзала, в нескольких местах на черепе ожоги оставила, зато прочно вплела веночек из роз, точно таких, как на платье. Где их только тётя Галя нашла? Впрочем, если понадобится найти для семьи атомную бомбу, тётя Галя ее найдёт, пусть и в разобранном виде.

Я поднялась на сцену, подошла к микрофону. Поняла, что могу либо хрипеть, либо пищать, а нормально говорить не могу. Выбрала пищать, вспомнила про краткость – царицу тоста.

– Так много хороших слов про моего дядю! Ведь не может столько замечательных людей ошибаться, – я обвела зал рукой, почти не дрожащей. – А я с детства называю его на «ты».

Шаг назад, реверанс. И аккуратненько по двум ступенькам вниз, только бы не оступиться. Гром аплодисментов. Мне кажется, что гром, хоть и отдалённый, все мысли на том, как дошагать до своего столика и не навернуться на каблуках. При этом мило и смущённо улыбаясь направо и налево. Чтобы не испортить удивительное чувство триумфа: полёта, скольжения на одном дыхании не по земле, а по облакам. Я красива, а если и не очень, то платье меня замаскировало, я сказала кратко и остроумно, ни на гран не соврав. Мой дядя самых честных правил – сколько про его честность, интеллигентность, сдержанность, мудрость, человечность, мужество и благородность, твёрдость и мастерство переговорщика было сказано до меня. Я же, юная и прекрасная, только виньеточку добавила.

Плюхнулась на стул, перевела дыхание. Странная тишина. Шесть пар глаз смотрят на меня. Удивлённо, любовно, грустно, радостно, отечески смотрят. Извините, без однородных рядов никак не получается.

У мамы на глазах слёзы, папа сдирает с шеи галстук.

– Спасибо, Кот! – проговорил дядя Петя.

– Ты прекрасно держалась, – сказала тётя Галя.

Таким тоном наставница Института благородных девиц могла бы похвалить воспитанницу, впервые в большой свет вывезенную. Мол, со своими обязанностями я, наставница, справилась отлично.

– Деваха-то у нас выросла, – улыбнулся дядя Коля.

Мама сморкалась в салфетку, папа кромсал галстук. Мне их стало жалко.

– Просто у меня нет страха сцены, боязни толпы, – повертела я кокетливо головой.

– Стыда у тебя нет, – невнятно, в салфетку, проговорила мама. – Под своей кроватью когда уберёшь? Там залежи фантиков и грязного белья.

– Катя выпила шампанское министра, – донесла тётя Эмма.

Нас семеро, а на восьмом стуле сидел министр, к тому времени отбывший по неотложным государственным делам. Симпатичный дядька, простой. Поговорил со мной про компьютерные игры, признался, что грешен, играет. Не исключаю, что врал. Насчёт простоты тоже не следует обольщаться. Когда я однажды с дядей Петей ходила в гастроном, который открыли в их доме, и дядя заболтал продавщицу, та спросила, случайно не он ли тот самый новый сантехник, про которого все бабы говорят «страшно обаятельный».

И да! Я выпила фужер шампанского отбывшего министра. Сначала просто перепутав со своим фужером с лимонадом. Потом допила сознательно. Мне было скучно, а платю в сто раз скучнее. Игристый напиток активно примирил нас с действительностью.

Тётя Эмма отличается неделикатностью. Подчёркиваю разность написания: «не отличается деликатностью» и «отличается неделикатностью». Я одна вижу разницу? Тогда приём мимо кассы.

Привычку тёти Эммы «резать правду» побаиваются. Вот сейчас опять-снова-в-очередной-раз вгонит всех в ступор. Но ступор этот привычный, как пинок локтем, и какой-то благотворный. Никогда не бывало, чтобы после заявлений тёти Эммы кто-то поссорился или стал «смотреть другими глазами». Кавычки тут не нужны, устойчивое идиоматическое выражение. Но «другие глаза» – это все-таки дико. Представьте, что вы вынимаете глаза и вставляете другие. Жуть.

– Я нечаянно!

– Так я и поверила! – Мама высморкалась и стала заталкивать салфетку под тарелку.

Папино известное остроумие тормозит, когда дело касается меня. Когда он нервничает, остроумие вообще исчезает.

- Понравилось? – Он швырнул галстук под стол.

- Очень!

Вероятно, папа имел в виду шампанское, а я – своё выступление.

- Водки попробуешь?

Мне стало обидно. Мне начало становиться обидно.

- Родной отец! – пробормотала я.

- Я тебя усыновлю, – махнул рукой дядя Коля. – Пошёл он к чёрту!

- Удочерю, – поправила мужа тётя Эммы.

- После меня, – поднял указательный палец дядя Петя.

- Да ее уже некуда дальше усыновлять и удочерять, – сказала тётя Галя. – Петя, говорит Абрам Израилевич. Встань, слушай, улыбайся.

- Кто он? – поднялся дядя Петя.

- Антон Подойцев. Вспомни! Вместе в дипакадемии учились. Теперь он в Тель-Авиве заметная фигура.

Дяде Пете на банкете приходилось тяжело. Он должен был поблагодарить каждого из тостующих, сказав несколько добрых слов или просто чокнуться рюмками. Проще марафон пробежать, в смысле – вихляя задом, просеменить. Тётя Галя три месяца вбуравливала в мозг дяди Пети, кто будет, кто приедет из долей и весей. Дядя Петя ко всем относился по-доброму, и будь они поодиночке, с удовольствием вспомнил бы молодость. Но скопом!

Мне кажется, он устал. Как солдат на карауле, к которому смена не идёт. Точнее, как офицер, ответственный за охрану, в которую присылают нести службу кого попало. Он мечтал о рыбалке. Россия, камыши, река, лодка, удочка,

караси, лещи и прочие белуги, закаты и рассветы, тишина, поплавок, никакой ответственности. Я вызнала его грёзы и предложила дяде Коле и папе воплотить их в жизнь.

Вам не кажется, что в повествовании я получаюсь жутко умной, прозорливой, этакой Ариадной с клубками в руках или хитровкой вроде напёрсточницы? Однако человек скромный без меры наводит на мысль, что внутри-то у него клокочет бешеное честолюбие. Разубеждайте меня, разубеждайте! Хвастуну же и зазнайке всегда можно дать по носу. Не то чтобы я готова подставлять свой нос, но и набивать карманы пеплом для прилюдной посыпки головы мне не улыбается.

Вышло здорово. Через две недели после банкета, когда дядя Петя и тётя Галя наконец распрощались с последним из иностранных гостей из числа тех, с которыми протокол или просто старая дружба обязывали встретиться отдельно, на моих дядю и тётю было жалко смотреть. Будто их, толком не долечив, выписали из больницы после тяжёлой болезни. Потом они, наверное, будут смаковать каждый момент. Пока же, особенно дядя Петя, с ужасом оглядывались на юбилейную пытку.

Мы их отвезли на Дон.

Не в дом отдыха, не в пансионат, не в отель, не в санаторий, а в частный дом на берегу Дона.

Хозяевам, Фёдору Александровичу и Ольге Владимировне было как моему дяде Коле – под шестьдесят. Бизнес им навязал и организовал сын, успешный предприниматель в Ростове-на-Дону.

Мы поселились в новом курортном – в большом доме с кухней-столовой, двумя спальнями на первом этаже и еще двумя на втором. На чердак со второго этажа вела лесенка, опять-таки в спальню, точнее – в крохотную спаленку. Ее отдали мне, за что особая благодарность. Интернет там работал на ура. Санузлы (унитаз, раковина, душевая кабинка), именуемые Ольгой Владимировной «сортирными уборными», имелись на первом и втором этажах. Что было прекрасно, потому что легче представить негра президентом России, чем тётю

Галя, бегающую «до ветру» в деревянную будку позади старого куреня.

Внутренний дизайн жилища был, мягко говоря, эклектичным. Дизайнер слышал звон, даже много звонов, в которых запутался, и решил осуществить всё, чтоб не промахнуться. Возможно, дизайнером был хозяйский сын.

Обеденный стол, лавки по длинным сторонам из грубых досок, обожжённых под старину и покрытых лаком, современный угловой диван, напротив него плазменный телевизор, стоящий на тумбе – баре со стеклянными дверцами, за которыми батарея бутылок с алкоголем. Какое-то подобие русской печи, ее точно разрезали пополам и прилепили к стене. В топке индукционная плитка, в углублении выше – микроволновка. По всему дому старинные фото казаков: групповые, семейные, портреты – лица на них жутко гордые и официальные, застывшие даже у детей (пороли их, что ли, перед съёмкой?). На стенах фото соседствуют с шашками (саблями?) какими-то вожжами (кнутами?), там и сям на полу стоят прялки и прочие старинные предметы неизвестного нам назначения. И! Апофеоз! В одном из углов выше уровня глаз темно-коричневая маска в обрамлении кукол из соломы.

– Обереги, – значительно сказала Ольга Владимировна, поселяя нас и указав на кукол.

Только она вышла, дядя Петя и тётя Галя скрючились от смеха. Маска была африканской, кенийского происхождения.

На базу?, то есть на принадлежащем хозяевам участке, располагались: старый курень, он же хата-мазанка (белые стены, крытая сухими растениями крыша), в которой жили хозяева (дядя Петя называл их лэнд-лорды), коровник, свинарник, птичник и еще несколько сараев. В саду находилась летняя кухня, представляющая собой каменную, опять-таки побелённую печь с трубой, рабочий стол кухарки, большой обеденный стол и лавки со спинками. Место было намагниченное – сюда, в тень сада, с видом на цветники, на созревающий виноград, на равнодушно текущий Дон, всех тянуло...

Как тянуло? Немилосердно? Постоянно? Безотчётно? Да ладно! Дюма вычёркивал из рукописей своих литературных рабов причастия и прочие эпитеты. Тянуло – и точка. Мы завтракали, обедали, ужинали только здесь. В доме ни разу.

В первый день мешали запахи. Сами понимаете, чем несёт из коровника, свинарника и птичника. На второй день вонь почему-то уменьшилась, на третий – вплелась в ароматы сада и огорода, в ветерок с реки. Пожалуйста! Смейтесь! То, чем мы дышали, было живительнее, чем кислородная барокамера. В ней я, конечно, не бывала, да и не знаю никого, кто бы в ней возлежал. Просто требовалось сравнение.

И это не моё личное ощущение! Папа за вечерними посиделками вспомнил, как мы путешествовали по Юкатану, по его нецивилизованным дебрям. Там жара и влажность, чумовое буйство природы. Одно слово – тропики: в ограде из обстриганных веток, практически палок, пробиваются ростки. Метла, купленная в супермаркете, начинает зеленеть, липкими листочками покрывается. Ор стоит круглосуточный: в лесу пищат, воют, скворчат, периодически кого-то лишают жизни, и он заходится в предсмертном крике.

– Разве мы бывали в Мексике? – удивилась я.

– Тебе было чуть больше года, – сказала тётя Галя.

– Они отправились без прививок, – напомнила тётя Эмма.

– Никто не заболел, – уточнила мама.

– К чему эти замечания? – напрягся папа.

– К тому, что хотелось бы услышать твою итоговую мысль, – сказал дядя Петя. – Мораль сей басни?

Он всегда приходил на помощь братьям под видом личной заинтересованности.

– К тому, что там, в тропиках, не было того... этого. Таня! Скажи моими словами, – ткнул он маму в бок.

Мой папа хорошо устроился. У него старшие братья, которые за него стеной. То, что позади стены братья ему могут накостылять за милую душу, никто не подозревает. И верная жена, соратница, очень красивая женщина. Хотя, как всякая красивая женщина – язва. Это не моё определение, папино. Ему в данных

обстоятельствах приходится быть гением в узкой области тренировки нейронных сетей искусственного интеллекта.

– Мы там не сливались, – сказала мама. – Тропики отдельно от нас. Как в цирке: всё очень восхитительно. Но мы и канатоходец? Воздушные гимнасты, акробаты, жонглёры? Не говоря уж про дрессировщика и принудительно послушных львов и тигров.

Я увидела, как тётя Галя и тётя Эмма обменялись понимающими взглядами. В отношении дрессировки хищников они бы поспорили.

– Здесь всё иначе, – продолжала мама. – Мы вписались в окружающую природу, как в свою родовую, национальную. Только я нахожу привлекательными нотки навоза в этом чудном воздухе?

Про вечерние застолья – это я вперёд забежала. День начинался с утра. Думаете, глупо написала? Мой папа любит работать ночью, встаёт, когда я прихожу из школы. И когда, выходит, у него день начинается? В три часа дня.

Ни свет ни заря. То есть уже был свет, а заря давно прошла. Горланил-заливался мой любимец петух (по местному – ко?чет) Гусар. Красавец невероятный: шикарный ярко-красный гребень, того же цвета брыли под клювом – птичьи бакенбарды, длинная шея с шарфом золотистых пёрышек, хвост большой дугой всех оттенков радуги. Вышагивает плавно, с достоинством, крутит головой, наблюдая за своим гаремом и окрестностями. Кстати, вышагивает на двух лапах. А вы, конечно, помните, что отделение человека от приматов началось с того, что наш предок встал на задние конечности. Благодаря Гусару я приобрела популярность. Снимала его на рассвете, на закате, как он сидит на заборе, выясняет отношения с дворовым псом Полканом. Они большие друзья, но делают вид, что соперничают. И! Гвоздь фотосессии! Видео Гусара, который топчет кур. «Топчет» звучит гораздо лучше, чем «трахает». Это слово я ненавижу. Потому что однажды, проходя мимо детской площадки, увидела, как маленький мальчик подбежал к маме со своим детским горем: «Мама, я не могу забраться на лестницу, я всё время трахаюсь...» Ржали все: мама ребёнка, другие мамы и няньки, прохожие, подростки, которые на лавочке, жуя гамбургеры, тыкали в кнопки своих айфонов. Все ржали, а он стоял и не понимал. Какая-то бабушка сердобольно-назидательным тоном, который

ненавидят все дети, сказала: «Надо говорить “стукаюсь”». Чтоб ее саму стучало и трахало!

Из чата нашего класса фото и видео Гусара с моими комментариями поплыли по волнам Интернета.

Через несколько минут после выступления кочета во двор выходили хозяйева и начинали ругаться. Вернее, ругалась Ольга Владимировна, Фёдор Александрович вставлял в ее монологи короткие реплики: «Уймись, лахудра! Почуней, назола!» Последнее обозначало: «Охолопись! Приди в себя, надоеда!» Фёдор Александрович и Ольга Владимировна часто употребляли в речи диалектизмы. Слова эти были прилипчивы, и наши мужчины вскоре стали называть вёсла в лодке бабайками.

В утренней разминке процент местных выражений значительно увеличивался. Суть претензий Ольги Владимировны к мужу, который дурноед детоумный и баглай (живущий за чужой счёт дебил и лежебока), да и настоящий махамед (бандит, разбойник) доведёт их до того, что они будут нужные люди. «Нужные люди» не почётная категория полезных знакомых, а нуждающиеся бедняки, нищие. Всё это я выяснила, найдя в Интернете словарь казачьих слов и выражений. Когда в первое утро все собрались внизу, чтобы идти на завтрак, по репликам я поняла, что мои родные несколько минут назад занимались тем же, что и я. Едва не расхохоталась в голос, представив умильную картину: три немолодые парочки голова к голове полулежат в постели и пялятся в планшет. «Ярыга – это кто?» – «Пьяница».

Заканчивалось утреннее представление тем, что Фёдор Александрович просил жену принести попить. Речь шла не о воде. Я ни разу не видела, чтобы они пили воду. Ольга Владимировна спускалась в погреб и нацеживала там из бочки в графин домашнее вино. Именно его наши хозяйева весь день пили, периодически ныряя с графинчиком в погреб. Они никогда не напивались, не хмелели безобразно, но под лёгким кайфом находились определенно, и при этом трудились с утра до вечера. Хотя к вечеру количество выпитого давало о себе знать. Фёдор Александрович игриво называл супругу «жалочкой» (дорогая, милая), а она кокетливо отмахивалась от его нежностей. Чтобы утром снова поносить мужа – явное свидетельство похмелья, по заключению тёти Эммы.

Наших женщин угостили этим вином.

- Почти божоле, - сказала тётя Галя.

- Градусов шесть, - определила тётя Эмма.

- Мне можно? - спросила я.

И в нос мне уткнулись три фиги - мамина и тётушек.

Интеллигентные женщины!

Святая наивность. Просто местное «божоле» мне не понравилось. Хорошему шампанскому проигрывает.

- Ольга Владимировна, голубушка, - обратилась к хозяйке тётя Галя, - видела, как к вам проходят с канистрами. Вы продаёте вино?

Я тоже видела. Раньше думала, что в таких канистрах только бензином запасаются.

- Чего ж не продать, - ответила Ольга Владимировна. - Все знают, что у нас без мухляжу. Не бодяжим, другак не разбавляем или, упаси боже, бесило не подмешиваем.

- Другак - сок из промытых виноградных выжимок, после брожения вино второго сорта, - мама быстренько сверилась с Интернетом. - Бесила - растение-дурман.

- Точно, - подтвердила Ольга Владимировна.

- Сколько канистра стоит, в ней литров десять? - спросила тётя Эмма.

Ольга Владимировна назвала цену. Повисла пауза. Цена была смехотворной.

- Избаловалось тут местное население, - сказала тётя Галя.

– Можно нам графинчиками? – спросила тётя Эмма.

– Или кувшинчиками? – попросила мама.

– В пересчёте на литры включите в окончательный счёт, – сказала тётя Галя.

– Ага! – ответила Ольга Владимировна и изобразила нечто вроде поклона.

Дядю Петю и тётю Галю хозяева сразу выделили как старших и главных в нашей компании. Не пренебрегали просьбами рядовых членов, но с особым трепетом, даже с подбострастностью, желанием угодить относились к пожеланиям «начальников». Вероятно, от дяди Пети и тёти Гали исходили «руководящие флюиды», которые я совершенно не чувствовала, но за столько-то лет на ответственных постах должны были выработаться в моих дяде и тёте особые навыки. Дядя Петя хитро шурился в ответ на чиновочитание, а тётя Галя воспринимала его как само собой разумеющиеся.

С самого начала отдыха произошло разделение компании по гендерному признаку.

Я не выпендриваюсь, употребляя этот термин. Стараюсь быть точной. Половое различие – только физическое. Гендерное – психическое, социальное, эмоциональное. Я доклад на биологии делала. Столько материала собрала, что вообще неясно стало, как мы, женщины, сосуществуем с мужчинами и на кой ляд они нам сдались. В принципе, и размножаться можно без их участия. И есть только один ответ на этот вопрос. Одно слово, глагол. Пусть он вам не покажется примитивным, в нём чёртова прорва тайных смыслов. Это слово выдал племянник тёти Эммы по материнской линии законченный маниакальный игроман, горе семьи Эдуард (они все у них на «Э»). Когда, в очередной раз оплатив его долги, плачущая родня его пыталась: «Почему, Эдуард, почему? Ты ведь всё понимаешь, знаешь!» Эдуард изрёк: «Тянет».

Мужчины, наскоро позавтракав, отправлялись на рыбалку, возвращались после полудня, обедали, отдыхали, потом уплывали на вечернюю зорьку. Они всё время говорили о клёве, насадках-приманках, закидушках-мережках и прочих

крючках-поплавках. Первые дни с ними рыбачил Фёдор Александрович, показывал места, советовал приёмы. Потом Ольга Владимировна прекратила это баловство.

– Буде! За свиня?ми хто убирать будет? Пушкин?

Фёдор Александрович не желал великому поэту, пусть и давно почившему, ковыряться в навозе. Смирненно оставался дома. На денёк. Просил дядю Петю, как самого солидного, подваливать к Ольге Владимировне. Дядя Петя говорил, что без ее супруга у них не клюёт, не ловится, и отпуск проходит бездарно. Не будет ли любезная Ольга Владимировна столь милостива, что позволит мужу отправиться с ними на утреннюю или вечернюю зорьку? Несколько дней прокатывало. Потом Ольга Владимировна учуяла мужской заговор.

– Анадысь (намедни) вы и без няго наловили знатно.

Дядя Петя, лучший переговорщик с правителями африканских стран, не растерялся. Взял руку Ольги Владимировны, склонился, элегантно поцеловал пальчики:

– Увы, наловили только мелочь.

Ольга Владимировна покраснела как буряк (свёкла), посмотрела на свою руку, на дядю Петю, снова на свою руку, точно хотела понять, что он там слизнул, и хрипло сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/natalya-nesterova/miloe-ischadie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)